

В Министерстве чинов как раз отбирали чиновников ниже пятого ранга, подлежащих повышению. Начальник уезда Ци привлек к себе столько внимания, что сотрудники Кадрового отдела не удержались и выдвинули его кандидатуру. Левый заместитель министра Гэн Юй ранее лично устраивал ему испытание и остался о нем довольно хорошего мнения, поэтому он спросил у чиновника:

— Что за книгу он издал? Толкование канонов или отчет о делах уезда?

— Ни то ни другое, — отозвался тот. — Это путевые заметки... притом довольно посредственного слога. Однако книга отпечатана на заглавие красиво, да и описания пейзажей весьма подробные. К тому же сам автор выглядит очень представительно. Жаль только, что он выбился не через регулярные экзамены — в лучшем случае он может рассчитывать на должность начальника префектуры или заместителя главы Ведомства императорских конюшен или Коннозаводского ведомства.

Правый заместитель министра Ли Чунь с легким смешком заметил:

— И снова уроженец Цяньаня? С тех пор как там появилась эта красавица Цуй, мастерица печатать книги, каждый встречный словно возмнил себя писателем.

Выдвинувший его чиновник Сюй Чуань отозвался:

— Да если бы только писал книги! Начальник уезда Ци в своей статье даже упомянул того самого вундеркинда из Цяньаня, который издавал книги раньше. В первой же статье своего сборника — «Записках о создании библиотеки уезда Цяньань» — он написал, что библиотеку основали на дарственной покойной матери вундеркинда Цуй. Раньше там располагалась книжная лавка, сданная в аренду чужим людям. В прошлом году он вернул ее себе и передал уезду Цяньань вместе с домом и всеми книгами, чтобы устроить библиотеку.

Гэн Юй задумчиво произнес:

— В тот день, когда мы с господином Ли экзаменовали его, он словно бы и не мог вспомнить имя человека, пожертвовавшего дом. Неужели он умудрился забыть то, что сам же и написал? Или эту статью добавили позже?

Они не знали, что за всеми этими книгами на самом деле стоял один и тот же человек. Посудачив немного, они так и не догадались о правде. В ходе разговора один из чиновников заметил:

— А все-таки иллюстрированные цветные издания из Цяньаня — лучшие, ведь именно оттуда пошла настоящая цветная печать. Говорят, книжная лавка «Цзюаньчжай», выпустившая эту книгу, выкупила полный комплект печатных досок и рисунков красавицы Цуй, да и иллюстрации у них выходят куда лучше, чем у других.

— Разве это не та самая лавка, что выпустила «Тщательно сверенное издание: Шестеро талантливых ученых критикуют Троецарствие»? Это же истинное наследие красавицы Цуй! Мне даже кажется, что красавица Цуй просто сменила имя и устроилась к ним художником.

— Зачем бы ему скрывать свое имя? К тому же их «Троецарствие» вышло пока только до десятого тома, и картинки там старые, просто отпечатаны ярче. Вот когда они превзойдут по количеству томов оригинал, тогда и поговорим о том, действительно ли они купили его печатные доски!

.....

Слово за слово, а куда именно перевести начальника уезда Ци, так и не решили. Гэн Юй отложил его имя и сказал:

— Эту кандидатуру пока оставьте мне, подберите еще нескольких. Кстати, а где продается его сборник?

Чиновник Сюй ответил:

— Книжные лавки открылись только в Цяньане и Тунчжоу, так что снаружи достать эту книгу непросто. Нижний чин принесет господину свой собственный экземпляр.

На следующий день после утреннего приема книга от чиновника Сюя была доставлена. Правый заместитель министра Ли Чунь, совмещавший должности младшего распорядителя и придворного чтеца, после приема должен был отправиться в Восточный дворец. Поскольку в его отсутствие проведение заседаний по назначению чиновников было невозможно, Гэн Юй заперся в кабинете и решил немного почитать в тишине.

Слог начальника уезда Ци был не сказать чтобы выдающимся, однако чувствовалось, что автор искренне любит и знает природу: его язык казался свежим и изящным, идеально гармонируя с нежными акварельными пейзажами на страницах. А на редких крупных иллюстрациях персонажи выглядели необычайно благородно, утонченно и исполненными жизненной силы — воплощение идеала зрелой мужской красоты в глазах образованного сословия.

Дочитав книгу до конца, заместитель министра Гэн поймал себя на том, что его впечатление об этом человеком пошатнулось. Неужели в тот день он видел всего лишь худенького, ничем не примечательного мелкого чиновника, а не этого статного красавца, подобного весенней иве под лунным светом?

С довольно смешанными чувствами он закрыл книгу и уже было помышлял расспросить правого цензора Ли Юя о том, как на самом деле выглядит этот начальник уезда. Но не успел он воплотить эту мысль в жизнь, как за ним прислали от канцлера Вань Аня. Вань Ань лично вручил ему свиток с делом и с мягкой улыбкой произнес:

— Это один из моих учеников. Хаовэнь, присмотри для него какую-нибудь должность в провинции. Желательно в месте не слишком бедном и суровом.

Гэн Юй всегда с некоторым презрением относился к этому «министру Да здравствует», поэтому лишь сдержанно ответил: «Слушаюсь». Взяв дело и бросив на него взгляд, он едва не ахнул от изумления. Что за чертовщина связывала его сегодня с Цяньанем? В министерстве только что рассматривали повышение начальника уезда Цяньань, затем он читал книгу о Цяньане, а теперь перед ним лежали бумаги отца того самого юного благодетеля, пожертвовавшего дом под библиотеку!

Заметив перемену в его лице, Вань Ань спросил:

— Что такое? Ты знаешь этого Цуй Цюэ? Неужели за ним водится какое-то неподобающее поведение?

Вань Ань прекрасно осознавал, каковы его ученики и последователи, но закрывал глаза на их грешки до тех пор, пока они проявляли усердие и не забывали о подношениях. Однако Гэн Юй обладал прямым и строптивым нравом — он мог запросто возразить вышестоящему начальству,

и если бы он прямо сейчас указал на проступки Цуй Цюэ, это вышло бы крайне неловко.

Так или иначе, подарков от Цуй Цюэ поступало немного, поэтому командующий Вань великодушно добавил:

— Если он действительно никуда не годится, Хаовэнь, можешь без колебаний отклонить его кандидатуру. Не стоит оглядываться на мое положение его учителя!

Гэн Юй склонил голову и ответил:

— Канцлер слишком тревожится. Нижний чин лишь слышал имя его сына, и когда увидел эти бумаги, немного удивился.

Вань Ань усмехнулся:

— Вот оно что. Выходит, у этого Цуй Цюэ родился славный сын. Как, бишь, его зовут? И чем же он отличился — слагает стихи и стихи-цы?

Гэн Юй ответил:

— Его сына зовут Цуй Се. Стихов он не слагал, но пожертвовал усадьбу уезду под постройку библиотеки. Начальник их уезда упоминает об этом в своем сборнике.

Вань Ань невольно про себя вздохнул: сын оказался куда щедрее отца, ведь сам отец до сих пор не подарил своему учителю даже усадьбы — да что там усадьбы, даже ни единой комнатухи! От этой мысли благосклонность к ученику и вовсе улетучилась. К тому же он вспомнил, что непосредственный начальник Цуй Цюэ, Лю Суй, вице-канцлер Лю, всегда враждовал с ним. Поэтому он заговорил совершенно сухим, официальным тоном:

— Хотя этот Цуй Цюэ и числится моим учеником, в первую очередь он способный чиновник в подчинении вице-канцлера Лю. Так что, Хаовэнь, распорядись по своему усмотрению.

Гэн Юй и так не собирался заниматься им в этом месяце. Зажав свиток в руке, он отправился в Кадровый отдел и подозвал одного из чиновников:

— Внеси его в список на рассмотрение через два месяца. Это дело прислал командующий Вань, так что заодно наведите справки в Министерстве финансов.

Продвижение по службе Цуй Цюэ зависло в Министерстве чинов ни то ни сё: к нему приходили с проверками, но никакого перевода или повышения так и не последовало. Он до того извелся, что готов был лично отправиться в Министерство чинов и спросить у командующего Ваня, как тот распорядился его судьбой. Однако, помимо того что командующий Вань был не тем человеком, с которого он мог требовать отчета, за ним еще и тянулась дурная слава с прозвищами вроде «министр Да здравствует» и «блудный канцлер» — Цуй Цюэ боялся средь бела дня переступить порог дома Ваней, дабы не замарать свою безупречную репутацию.

Кое-как уловив время, когда вокруг никого не было, он пошел нанести визит своему учителю, но командующий Вань решительно отказался его принять. Навстречу вышел лишь дворецкий. В его поведении не осталось и следа той душевности, с которой он встречал Цуй Цюэ в прошлый раз, когда тот приносил подарки. Высокомерно смерив его взглядом, дворецкий произнес:

— Господин Цуй, у вас поистине замечательный сын. Жаль только, что сын ничуть не похож на отца.

Стерпев столь тяжкое унижение, Цуй Цюэ вернулся домой и едва не разнес свой внешний кабинет. К счастью, выдержки ему было не занимать, и он сумел сдержаться. На следующий день он отправился на службу, зашел в Министерство финансов и расспросил обо всем в подробностях, благодаря чему и узнал о событиях в уезде Цяньань.

Прежде он полагал, будто Цуй Се просто не сумел вести дела и продал книжную лавку, и никак не ожидал, что у этого мальчишки окажется столь хваткая душонка, готовая выслуживаться перед начальством: он взял и подарил усадьбу начальнику уезда! А начальник уезда Цяньань, воспользовавшись библиотекой, устроенной на месте их лавки, в этом году вырастил в своем уезде сразу троих цзиньши — Го Юн и Ван Пу только в прошлом году стали цзюйжэнями, а теперь так выбились в люди за время его службы! Поговаривали, что левый заместитель министра господин Гэн заприметил его успехи в просвещении и процветании народа и собирался перевести его либо в столицу, либо отправить инспектором просвещения в какую-нибудь южную губернию.

И после всего этого начальник уезда Цяньань написал статью, напечатал книгу и принялся расхваливать этого негодного сына!

Поняв, как все обернулось, Цуй Цюэ задрожал от ярости. Он страстно желал вернуться на год назад, когда госпожа Сун только-только передала Цуй Се купчую на книжную лавку. Если бы он тогда настоял на своем и вернул бумаги, если бы от своего имени пожертвовал лавку или даже родовую усадьбу под библиотеку уезда Цяньань, разве не досталась бы вся эта слава и похвала ему самому?

Где это видано, чтобы сын жертвовал усадьбу под библиотеку, а заслугу приписывали не отцу, а постороннему чиновнику, прибравшему к рукам их семейную собственность!

Однако учинять громкий скандал, роняя собственное достоинство, Цуй Цюэ не мог. Поэтому он отправился в винную лавку, где напился с горя, гадая, как заманить сына обратно в столицу и наказать. Поздно вечером, пьяный и угрюмый, он вернулся в задние покои, призвал к себе молодую наложницу и лег спать, едва сдерживая гнев. Нарушение душевного равновесия от ярости и алкоголя ударило по печени, и к утру у него поднялся сильнейший жар, сваливший его с ног.

Наложница, не привыкшая к подобным потрясениям, в слезах прибежала к госпоже и выложила все пьяные бредни, слышанные ночью — про то, как сын подарил книжную лавку, а начальник уезда вот-вот получит повышение, — после чего упала на колени, моля о прощении.

Да разве госпоже сейчас было до нее? Госпожа даже о самом господине заботиться больше не желала!